
**Э. К. Васильева, В. В. Пименов,
Л. С. Христюбова**

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УДМУРТИИ

(ПРОГРАММА И МЕТОДИКА ОБСЛЕДОВАНИЯ)

В широком спектре проблем исследования этнических процессов, протекающих в нашей стране, особое место занимают вопросы о степени сохранения (или утраты) тем или иным народом традиционных форм быта и культуры. В 1967—1968 гг. авторы попытались собрать данные для освещения этих вопросов на примере одного народа — удмуртов. Ниже излагаются основные программные принципы, описываются методика, организация и процедуры, примененные в этом исследовании.

I

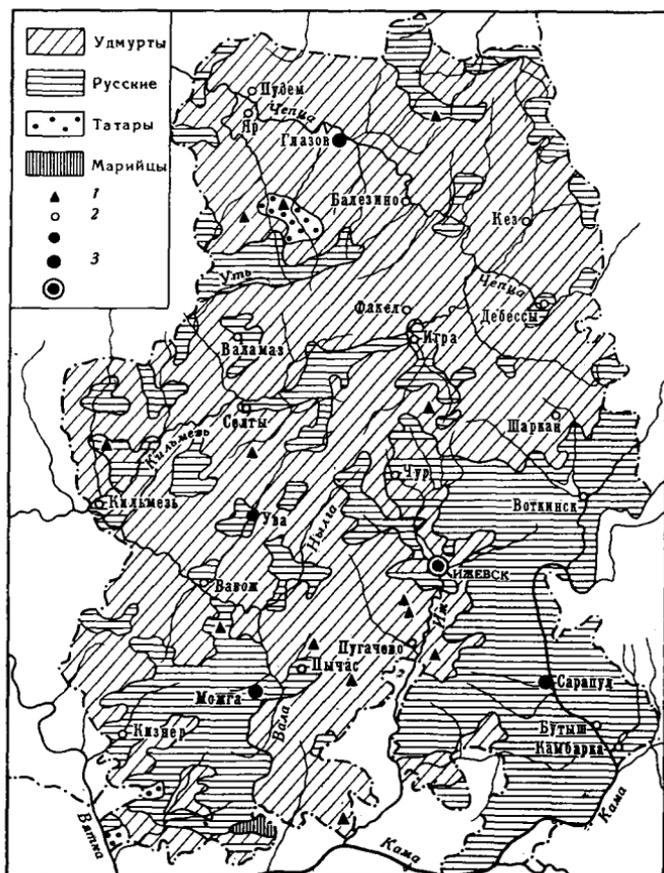
В современной науке все большее признание получает системный подход к анализу социальных явлений. В этой связи кажется целесообразным представить себе основной объект этнографического исследования — этнос, этническую общность — как некоторую относительно обособленную динамическую социальную систему, имеющую свою внутреннюю структуру. К сожалению, структура этноса на таком уровне еще не разработана. Однако, опираясь на традиционное для нашей этнографии представление об этнической общности, можно вычленил наборы существенных признаков, которые характеризуют важные стороны этноса. К ним относятся, например, такие, как родной язык, духовная и материальная культура, семейный быт, определенные формы этнического самосознания и пр. Каждая из названных сторон также может быть представлена как система низшего порядка.

Допустимы два аспекта изучения и описания этноса: а) в рамках его самого как системы с целью изучения присущих ему имманентных свойств, отношений и тенденций; в этом случае мы отвлекаемся от внешних воздействий; б) в более широкой системе — в группе этносов, в которую данный этнос органично включен «на правах» подсистемы. В нашем исследовании отдано предпочтение первому аспекту. Однако ряд воздействий извне необходимо учесть. С этой целью вводится понятие социально-этнографической ситуации, с помощью которого описывается состояние изучаемого этноса в общем контексте внутренних и внешних связей и воздействий и определяется вероятная направленность этих связей на «момент» проведения исследования.

Возможны различные пути научного проникновения в этнос. Мы пошли путем изучения личности, которая трактуется как представитель этноса и носитель этнических черт — этнофор. Правомерность такого подхода обосновывается, с одной стороны, известным марксистским определением личности как совокупности общественных (в том числе, следовательно, и этнических) отношений и, с другой стороны, представлением о социальных (т. е. и этнических) процессах как о массовых, закономерности которых улавливаются как вероятностные, статистические тенденции.

Исходя из высказанных программных посылок, определим объект исследования (опишем этнографическую ситуацию) и сформулируем основные проблемы и гипотезы.

Изучению подлежал один народ — удмурты, расселенные в пределах Удмуртской АССР. В поле нашего зрения должны были попасть все его основные социальные классы, слои и группы (рабочие, крестьяне, интеллигенция с учетом их более дробной стратификации), основные членения по полу, возрасту, семейному положению и т. п., а также по месту жительства (жители сельских и городских поселений) и этнографические группы (южные, средние и северные удмурты и бесермяне).

Этнический состав населения Удмуртии и населенные пункты, обследованные в 1968 г.

Условные обозначения: 1 — сельские поселения, 2 — прочие поселения, 3 — городские поселения

Социально-этнографическая ситуация, по имеющимся данным, характеризуется следующими чертами. Удмурты — советская социалистическая нация. Они имеют государственную автономию (с 1920 г.). Их численность в пределах Удмуртской АССР достигает 475,9 тыс. человек (по данным 1959 г.). Этнический состав населения республики следующий: помимо удмуртов (35,59%), здесь живут русские (56,75%), татары (5,48%) и другие национальности (2,18%), с которыми удмурты расселены вперемешку. Имеет место миграция населения из сел в города и из Удмуртии в соседние области и республики так и в обратных направлениях. При общем довольно высоком росте городов степень

урбанизированности удмуртов невысока: в различных городах республики численность удмуртского населения составляет от 7 до 30%. В среднем 18,5% удмуртов Удмуртской АССР — городские жители (1959 г.). Заметим, что в 1939 г. удмурты-горожане составляли лишь 7,5% общего числа удмуртского населения республики.

Социальная структура удмуртской нации в принципе та же, что и у всех советских социалистических наций, однако численность рабочего класса и интеллигенции ниже, чем в среднем по РСФСР.

Язык удмуртов принадлежит к пермской группе финно-угорской ветви уральской семьи. Подавляющее большинство считает его родным, однако все же 6,72% удмуртов в республике называют родным языком русский. На юге республики часть удмуртов владеет наряду с русским языком также и татарским, а некоторые считают его родным. Абсолютное большинство удмуртов хорошо говорит по-русски, что важно было учесть при разработке плана обследования. Традиционные формы материальной культуры еще бытуют — хорошо сохраняются сельские жилища и некоторые хозяйственные постройки, хуже сохранилась женская одежда (мужчины уже давно не носят национального костюма), в еще меньшей степени бытуют национальные типы утвари, сельскохозяйственных орудий и т. п. Фольклорный слой духовной культуры вполне заметен, но имеет тенденцию к сокращению. Профессиональный слой национальной культуры, напротив, был создан только в советское время и увеличивает свою мощь. Его развитию способствует создание организаций писателей и журналистов, национального театра, ансамбля песни и танца, средств массовой коммуникации — радио, телевидения, ведущих передачи на удмуртском языке, издание журнала, двух республиканских и нескольких районных национальных газет, деятельность издательства и т. п. Резко сократились религиозные и календарные обряды удмуртов; семейная обрядность еще сохраняется.

Давние связи с русским и татарским народами наложили заметный отпечаток на все компоненты удмуртского этноса. Это сказалось в языке, материальной и духовной культуре и пр. Постоянное тесное общение способствовало тому, что в сознании удмуртов нет места антирусской и антитатарской предубежденности. Из конкретных черт этнической психологии нужно было принять во внимание повышенную застенчивость удмуртов. Наконец, известно было заранее, что по всем этнографическим характеристикам север и юг Удмуртии заметно отличаются: на юге они выражены сильнее, а в центре и на севере — слабее.

Основываясь на общем представлении о социально-этнографической ситуации в Удмуртии, мы сформулировали три основных задачи исследования.

1. Какова степень сохранения национальных форм быта и культуры у разных социальных групп удмуртов?

2. Какие компоненты этноса более устойчивы и какие менее?

3. Какова общая тенденция развития удмуртов как этноса?

Постановка этих задач продиктована их научной и практической актуальностью, потребностями более точного выявления факторов, действующих на течение этнокультурного процесса, желательностью построения более или менее достоверного прогноза и получения возможности управления процессом, т. е. его оптимизации.

В ходе исследования подлежат проверке три основных гипотезы:

1. Повышение социального статуса удмурта в условиях Удмуртии, как правило, ведет в целом к ослаблению приверженности к национальным ценностям.

2. Относительная устойчивость отдельных элементов этноса (в порядке убывания) такова: 1) язык, 2) этнопсихологические качества, 3) духовная культура профессионального слоя, 4) обряды, 5) духовная культура фольклорного слоя, 6) материальная культура.

3. Имеет место тенденция ко все более тесному сближению удмуртов с русскими, однако еще не исчерпаны возможности их самостоятельно-го этнического развития.

II

Постановка проблемы потребовала решения еще двух задач: избрания подходящей методики обследования и выработки соответствующего инструментария. С самого начала стало ясно, что проверить наши гипотезы возможно лишь на основе массового представительного материала, приспособленного для статистической обработки¹. Мы остановились на методе стандартизованного интервью, считая, что он в наибольшей степени обеспечивает для данного случая достоверность, полноту и надежность информации. В нем сочетаются возможности как словесной фиксации, так и числового выражения информации.

Основной рабочий инструмент обследования — «этнографический вопросник»² — выработывался в соответствии с программными установками, характером задач и типом избранной методики. Один из первых его вариантов был опробован летом 1967 г. в южной Удмуртии, Горномарийском районе Марийской АССР и Лаишевском районе Татарии (всего опрошено около 200 человек в селах и городах). В результате были исключены «плохо работающие» и прямо не относящиеся к проблеме вопросы, формулировка некоторых изменена, для других удалось получить сравнительно четкий набор вариантов ответов.

Вопросник конструировался в соответствии с нашими представлениями о существенных чертах этноса. Выделено шесть блоков вопросов, определяющих этнографическую специфику исследования: 1) язык, 2) материальная культура, 3) обрядовая жизнь, 4) фольклор, 5) профессиональная духовная культура и 6) этническая психология. В каждом блоке по шесть вопросов-признаков (параметров). Блоки намеренно выравнены по числу вопросов, так как этим достигается возможность измерить относительный вес каждого из них в системе этноса.

Большие трудности встали перед нами при определении конкретных признаков, которые должны войти в блоки и подлежат измерению. Здесь мы исходили из опыта этнографической науки, собственного научного опыта, данных пробного опроса; немалую роль играла интуиция. В конце концов структура блоков приобрела следующий вид:

1. Блок языка — вопросы о родном языке, степени владения им, о языке в семье, на работе и в общественной жизни и о знании других языков народов СССР.

2. Блок материальной культуры — вопросы об одежде, пище и утвари.

3. Блок обрядовой жизни — вопросы о свадьбе, родинах и похоронах.

4. Блок фольклора — вопросы о преданиях, народных сказках, песнях и танцах.

5. Блок профессиональной культуры — вопросы о знании национальных писателей и чтении национальной литературы и прессы, знании деятелей музыкальной культуры и их произведений.

6. Блок этнопсихологии — вопросы об этнических предпочтениях, национальном самосознании, степени осознания связи со своей национальностью и пр.

В особый (7) блок выделены три контрольных вопроса, обращенных не к информатору, а к интервьюеру, об отношении информатора к беседе, о темах, вызвавших у него интерес, и о вопросах, на которые он затруднился ответить.

¹ Статистическая процедура сбора информации разработана Э. К. Васильевой.

² Составлен В. В. Пименовым.

В самый большой (8) блок вошло 19 вопросов, в том числе вопросы, касающиеся социально-демографических признаков (пол, возраст, образование, социальное положение и пр.), а также некоторые специальные вопросы; из них особенно любопытны вопросы о национальном составе основных референтных групп — семьи, первичного производственного коллектива, соседей и друзей.

По своему характеру вопросы различны. Одни из них ориентированы на выяснение наличия признака, другие — на определение степени информированности опрашиваемого о признаке, третьи — на выявление его отношения к признаку. Например, расспрашивая об обрядах, мы сначала просим информатора описать родильно-крестильные обряды, а затем выясняем, как, по его мнению, следует отмечать рождение ребенка — с соблюдением народных традиционных обрядов или без них. Вместе с тем вопросы классифицируются и по другим особенностям. Есть вопросы, которые должны вызвать у информатора анамнез — воспоминание («Как Вы были одеты на свадьбе?»); анамнезу сопутствует метод создания проективной ситуации («Если бы Вам пришлось начать жизнь сначала, то, вступая в брак, какую Вы хотели бы устроить свадьбу?»). Комбинацией разных по характеру и стилю вопросов достигается получение достаточно разносторонней и достоверной информации.

Этнографические признаки не имеют естественных единиц измерения. А так как с самого начала предполагалось вести количественную обработку полученной информации, и, по возможности, механизированным способом, то выработка приема измерения рассматривалась как первостепенная задача. Мы решили сочетать словесную фиксацию сведений с приблизительной оценкой выраженности признака по четырехбалльной шкале (например, «не знает», «слабо знает», «имеет ясное представление», «очень хорошо знает»). Следовательно, интенсивность признака отмечалась в диапазоне от 01 до 04. В некоторых случаях удалось ввести более определенные количественные критерии (например, число известных информатору национальных блюд и т. п.). Оценки ставили интервьюеры. При наличии словесных записей их можно было контролировать.

III

Сбор материала для глубокого исследования современных этнокультурных процессов является настолько трудоемким, что осуществить его можно только методом несплошного наблюдения.

Объектом данного исследования являются взрослые удмурты (17 лет и старше), проживающие постоянно на территории Удмуртской АССР. Численность их в 1968 г. составляла несколько более 300 тыс. чел. С учетом реальных условий и возможностей обследования, наличия кадров, материально-технического обеспечения и сроков проведения работы численность выборочной совокупности определяется не более 2000—2500 чел. Это составляет 0,7—0,8% от объема генеральной совокупности.

Прежде всего нужно было установить, обеспечивает ли выборка в 2000—2500 человек получение представительных данных, по которым можно было бы судить обо всей совокупности. Первое условие достоверности выборочных данных состоит в том, что отобранная часть должна быть достаточно многочисленной, чтобы в ней могли проявиться объективные закономерности изучаемого процесса. Этому требованию намеченный объем выборки удовлетворяет (см. табл. 1); он обеспечивает выявление и анализ решающих тенденций, хотя некоторые взаимосвязи при этом и не удастся раскрыть с исчерпывающей полнотой.

Выборочные данные будут достоверными, если численность выборки достаточно велика для того, чтобы ошибки репрезентативности не пре-

Теоретическая и фактическая погрешности выборки в обследовании 1968 года

Показатели по взрослому населению Удмуртской АССР	Значение показателя по данным		Ошибки выборки	
	переписи	выборки	теорети- ческая	фактиче- ская
Процент женщин	63,0	64,4	2,0	1,4
Процент лиц в возрасте 60 лет и старше	13,2	14,8	1,5	1,6
Процент лиц, считающих родным языком удмуртский:				
а) среди городского населения	86,0	77,7	0,7	9,0
б) среди сельского населения	97,5	96,5		1,0

высыли допустимых пределов. Были вычислены вероятные (с вероятностью 0,954) максимальные размеры ошибок репрезентативности при объеме выборки в 2000 чел. Расчеты показали, что по такому показателю как доля женщин среди взрослых удмуртов, составляющему по генеральной совокупности около 63%, предел ошибки репрезентативности равен 2%. Максимальная величина ошибки выборки для показателей доля пожилых (60 лет и старше) среди удмуртов и доля лиц, считающих удмуртский язык родным, составляет 1,5% и 0,7%. Таким образом при выборке в 2000 единиц будут получены данные, представительные для республики в целом.

При проектировке работ объем выборки был определен в 2300 единиц, т. е. минимальная необходимая численность завышена на 15%. Тем самым создавался резерв на случай недобора материала и выборки недоброкачественно заполненных вопросников.

В основе выборки лежал метод случайного отбора, при котором все единицы имеют равную возможность быть отобранными. Этим обеспечивается пропорциональное представительство в выборке всех видов и категорий единиц совокупности. Однако в двух следующих случаях этот метод был осложнен применением специальных способов отбора. Принцип пропорциональной выборки удобен для получения представительных данных по совокупности в целом. Но в то же время в таком случае теряется возможность изучить некоторые частные совокупности, малочисленные, но важные для исследуемой закономерности. В нашем обследовании требовалось усилить представительство группы творческой интеллигенции, которая в общем массиве оказалась бы слишком мала. Поэтому было намечено дополнительно, кроме 2300 вопросников, заполнить еще 100 вопросников на лиц указанной социально-профессиональной группы, чтобы затем обработать их как самостоятельный массив.

Сохраняя фактические пропорции в выборочной совокупности, следовало бы отобрать 1425 человек сельского населения и 875 горожан. Это соотношение было скорректировано увеличением доли городского населения. Это объясняется тем, что у жителей городов наблюдается большая вариация признаков; кроме того, требовалось довести объем выборки по городам до размеров, допускающих разработку итогов раздельно по двум массивам: по городскому и по сельскому населению. Намечено было охватить выборкой 1300 человек сельского населения и 1000 человек обследовать в городах. Для восстановления реального соотношения городского и сельского населения по республике в целом при разработке будут введены поправочные коэффициенты.

Чтобы определить оптимальные в условиях данного исследования принципы организации работы, пришлось экспериментально проверить несколько вариантов схемы выборки. При проверке обнаружилась невозможность полной идентификации порядка отбора городского и сель-

ского населения. Городское население Удмуртской АССР сконцентрировано в ограниченном числе населенных пунктов, а сельское население рассеяно по значительной территории и по большому числу населенных мест. Кроме того, списки единиц генеральной совокупности, необходимые как основа, из которой производится отбор, различны по городам и сельской местности.

В городах была проведена районированная выборка единицами (дисперсная выборка). Сами городские поселения подразделялись на несколько групп (характерных типов) в зависимости от численности населения и доли в нем удмуртов, от уровня экономического развития, а также с учетом функции города как культурного и административного центра. Отбор производился пропорционально количеству населения в каждой типической группе. Как правило, выборочная совокупность отбиралась в случайном порядке из всех единиц, составляющих типическую группу. Дважды мы допустили отступление от этого порядка. Сплошной охват поселков городского типа и мелких городов (до 16 тысяч жителей) оказался бы слишком трудоемким из-за большой разбросанности по территории, а значимость их по численности населения сравнительно невелика. Поэтому они представлены в выборке только одним пунктом (пос. Ува). Кроме того, чтобы уменьшить трудоемкость работы, из числа обследуемых городов был исключен г. Воткинск, представительство которого в выборке распределено на другие однотипные с ним города. В конечном счете для обследования отобраны города Ижевск, Глазов, Сарапул и Можга, а также рабочий поселок Ува.

Единицами отбора были сами единицы совокупности, т. е. отдельные лица из числа взрослых удмуртов, составляющих постоянное население города. В этом случае, как известно, в качестве перечня единиц генеральной совокупности удобно использовать списки избирателей или переписные листы, если обследование организуется вскоре после выборов или переписи населения. Но такая возможность представляется не часто, поэтому в обычном случае предпочтительнее ориентироваться главным образом на материалы текущего учета. Мы использовали картотеки адресных столов. С точки зрения полноты и достоверности они в данном обследовании представляют достаточно надежную основу для проведения выборки и, кроме того, дают возможность максимального расчленения единиц выборочной совокупности по территории города. Если бы выборка проводилась как гнездовая, т. е. в качестве единицы отбора выступал бы городской квартал, домовладение или другая укрупненная группа единиц совокупности, то (при малой численности выборки и значительной дифференциации структуры населения в разных частях города) было бы труднее гарантировать репрезентативность данных.

Но если в гнездовой выборке можно опираться на стабильные перечни гнезд, то списки (картотеки) населения, применяемые при отборе отдельных лиц, таким качеством не обладают. Население, особенно городское, настолько мобильно, что любые учетные данные оказываются в большей или меньшей степени устаревшими. Можно отметить ряд причин, обуславливающих частичное несоответствие данных адресных столов фактическому составу населения. Документальное оформление таких событий, как перемена места жительства и смерть, происходит с запозданием, иногда значительным. Потребовалось эмпирически определить объемы расхождений указанных данных с действительностью. В связи с этим выборка производилась с необходимым запасом (до 40% величины выборочной совокупности). Применялся метод механического отбора.

Если характерные для городов высокая плотность и концентрация населения позволили провести в них выборку единицами, то в отношении села этот метод неприемлем. По сельской местности проведена рай-

онированная гнездовая двухступенчатая выборка. Объединение административных районов³ в типические группы производилось на основе комплексной оценки этнических и экономико-географических характеристик. В пределах каждой из четырех выделенных типических групп была проведена первая ступень выборки — механический отбор гнезд.

Единицей отбора в данном случае могли бы быть такие административные подразделения, как сельский Совет или населенный пункт. В сельские советы значительно превышают размеры гнезд, оптимальны для данного обследования. Нецелесообразно также брать за единицу отбора населенные пункты, так как их общее число очень велико, кроме того, работа затрудняется существованием множества точечных населенных пунктов. Наиболее удобной оказалась система гнезд, составленная для выборочных обследований органами государственной статистики. Эти гнезда сформированы так, что они имеют примерно одинаковые размеры и состоят из компактно расположенных населенных пунктов. В связи с тем, что требовалось отобрать небольшое число гнезд, проводился многократный механический отбор с изменением точки отсчета. В результате наиболее подходящим был признан тот вариант, который давал результаты, наиболее близкие к средним по типическим группам. После нанесения намеченных гнезд на карту оказалось, что в выборке представлены районы с различными природно-климатическими условиями и географическим положением (Юкаменский, Базезинский, Селтинский, Сюмсинский, Игринский, Завьяловский, Можгинский, Малопургинский и Алнашский). В выборку попали гнезда, охватывающих 40 населенных пунктов (см. карту).

Вторая ступень выборки — механический отбор хозяйств (семей) в гнездах. На основе формы № 1 похозяйственного учета (так называемых похозяйственных книг) в сельских советах были выделены семьи — удмуртские и смешанного национального состава, в которых имелись взрослые удмурты. Шаг отбора устанавливался дифференцированно с учетом численности удмуртских хозяйств в гнезде и числа лиц, которых следовало отобрать в соответствии с пропорциональным распределением выборочной совокупности по типическим группам. Для выбора конкретного члена семьи, подлежащего опросу, разработана специальная схема (см. ниже).

Выборка по городским и сельским населенным пунктам произведена в соответствии с намеченной методикой организации отбора. Недобор составил по сельской местности 80, а по городам 79 человек. Это тем не менее превысило необходимую минимальную численность, так как ее исходный объем рассчитывался с запасом. Следовательно, из предполагавшейся совокупности в 2300 единиц удалось обследовать 2141 человек. Основными причинами недобора были либо временное отсутствие лиц, попавших в выборку, либо невозможность найти нужного человека из-за неточности списков. Мы обследовали различные категории населения, поэтому недобор не привел к сколько-нибудь существенному увеличению ошибок репрезентативности.

Рассчитанные по выборочной совокупности показатели можно сравнить с соответствующими данными переписи населения 1959 г.

Как правило, выборочные данные не имеют существенных отклонений от показателей, характеризующих все взрослое удмуртское население республики. Кроме того, приводя такие сопоставления, нужно иметь в виду, что материалы переписи могли устареть. Скорее всего именно этим объясняется столь большое отклонение от теоретической погрешности доли городского населения, считающего удмуртский язык родным.

³ Не принимались во внимание четыре района, в которых доля удмуртского населения составляет менее 4%.

Таким образом, при данном объеме выборки обеспечивается получение достаточно представительных данных для удмуртского населения республики в целом и по основным категориям: а) городскому и сельскому населению; б) по полу (мужчины и женщины); в) укрупненным возрастным группам; г) укрупненным социально-профессиональным группам.

Можно образовывать группы путем комбинирования указанных и других признаков. Но при этом надо избегать чрезмерного дробления материала. В случае необходимости ограниченные возможности членения выборочной совокупности могут быть компенсированы за счет применения математических методов обработки (стандартизация и др.).

Сравнительно небольшой объем выборки лимитирует только число типических групп. Система показателей, включающая весь комплекс собственно этнических характеристик и рассчитываемая по каждой отдельной категории населения, таких ограничений не имеет.

IV

Организационной и процедурной сторонам дела придавалось большое значение. Опираясь на всестороннюю поддержку Удмуртского областного комитета КПСС, Совета Министров республики, Удмуртского научно-исследовательского института истории, экономики, языка и литературы при Совете Министров Удмуртской АССР, вузов, педучилищ и других учреждений, нам удалось провести организационную работу без существенных промахов. Это обеспечило сравнительно благоприятные условия для сбора первичной информации.

Обследование проводилось экспедиционным способом. На первом этапе в летний период (июль—август) обследовалось удмуртское сельское население, на втором (ноябрь—декабрь) — удмурты, проживающие в городах и рабочих поселках республики.

Мы считали существенным заранее информировать население об основных задачах и характере нашей работы. С этой целью начальник экспедиции выступил по областному радио и телевидению. В республиканской газете были опубликованы информационные заметки о начале работы экспедиции. В каждом городе были организованы выступления по радио и в районных газетах. Осведомленность жителей облегчала работу интервьюеров, способствовала более быстрому и легкому установлению контактов.

Костяк экспедиции составил Удмуртский отряд Института этнографии АН СССР, численность которого менялась от 4 до 6 человек (1 научный сотрудник, 1 аспирантка, остальные научно-технические сотрудники); кроме того, к обследованию были привлечены временные работники, всего 220 человек.

В летний период в состав экспедиции было включено 27 студентов второго курса исторического факультета Удмуртского государственного педагогического института, проходившие свою экспедиционную практику. Они были разделены на три подгруппы, каждая из которых находилась «в поле» по 16 дней.

Экспедиция работала одновременно двумя отрядами. За сорок дней удалось опросить 1220 человек. Для опроса одного человека требовалось в среднем около двух часов.

На втором этапе обследовано 1013 городских жителей (в том числе 94 представителя творческой интеллигенции). Организация работы в городских условиях оказалась значительно сложнее, чем в селах. Контингент интервьюеров в каждом городе менялся: в Ижевске это были главным образом студенты исторического факультета Удмуртского пединститута (часть из них уже прошла летом экспедиционную практику); в Глазове — также студенты местного пединститута; в Сарапуле и Мож-

да. Особое внимание обращалось на то, чтобы все сотрудники имели идентичные критерии оценок выраженности (силы) признаков, заложенных в вопроснике.

Важным моментом процедуры обследования являлось составление списков лиц, подлежащих опросу. Такие списки составлялись непосредственно по прибытии на место, для чего в сельских населенных пунктах использовались, как уже сказано выше, данные «похозяйственных книг». Каждая семья (хозяйство) представлена в списке одним взрослым членом. Семьи классифицировались по числу поколений⁴. Были выделены семьи с одним, двумя и тремя поколениями. Процедура составления списка сводилась к следующему. При просмотре в «похозяйственной книге» состава каждой удмуртской (или имеющей в своем составе удмуртов) семьи раньше всего устанавливался тип семьи по числу входящих в нее поколений. Если нам встречалась семья, состоящая из двух членов — мужчины и женщины, — принадлежащих к одному поколению, то из этой семьи выписывалась женщина, из следующей подобной семьи выписывался мужчина. Если семья состояла из представителей двух поколений, то из первой такой семьи выписывалась женщина младшего поколения, из второй семьи этого типа — женщина старшего поколения, из третьей — мужчина младшего поколения, из четвертой — мужчина старшего поколения и т. д. При наличии в семье двух, трех и более лиц одного поколения и одного пола в список сначала попадали младшие по возрасту. Семьи с тремя поколениями подвергались аналогичной процедуре: в них выделялись младшие, средние и старшие. Тот, кто выполнял эту работу, составлял для самоконтроля рабочую сетку, в которой отмечал чередование лиц по поколениям, возрасту и полу.

Если поколение в очередной семье представлено одним человеком, то при включении этого человека в список в контрольной сетке ставился «+» (в данном случае не было нужды различать пол этого лица, так как оно единственное и в любом случае попадает в список). В остальных случаях женщины обозначались буквой «Ж», мужчины — буквой «М».

В итоге мы получали список, в котором каждое лицо представляло одну семью. Дальше, в соответствии с репрезентативной квотой, заранее рассчитанной для данного гнезда, и известным шагом отбора, в списке оставались лишь те, кого предстояло опросить. Исключенные из списка служили резервом для замены отсутствующих информаторов. Затем заполнялись индивидуальные адресные карточки, которые раздавались интервьюерам для работы. Для облегчения контроля порядковый номер из списка переносился на адресную карточку и на вопросник.

В первый день работы в поле интервьюеры разбивались на пары. Позднее (в городах) мы отказались от такого порядка, так как он не стимулирует индивидуальной ответственности. Каждому интервьюеру выдавалась одна адресная карточка. В случае отсутствия лица, указанного в адресной карточке, ее следовало возвратить начальнику отряда и взамен получить другую (из резерва). Заполненный вопросник сразу же проверялся руководителем отряда, подвергаясь логическому и качественному контролю. Лишь после проверки и внесения необходимых уточнений вопросники считались сданными.

Работа показала, что целесообразно раздавать все адресные карточки по данному населенному пункту в первый же день. Это позволяло установить наличие на месте всех информаторов, а в случае отсутствия того или иного из них выяснить причину и сроки отсутствия и при необходимости заменить его «портретно» схожим лицом. Карточки раздава-

⁴ Дети, не достигшие 16,5 лет, исключены из всех расчетов и разработок.

лись с учетом знания удмуртского языка интервьюерами и русского языка информаторами. Лица старшего поколения, не владеющих или плохо владеющих русским языком, как правило, опрашивали интервьюеры-удмурты.

▼

Таковы программные, методические и организационно-процедурные принципы и приемы, примененные в ходе этнографического обследования удмуртов. О результатах обследования говорить рано: материалы его находятся в обработке. Однако некоторые выводы сделать уже можно. Наиболее существенны из них три.

Прежде всего удалось экспериментально проверить самую возможность организации и проведения достаточно массового выборочного этнографического обследования с соблюдением весьма жестких методических правил и требований, диктуемых статистической процедурой, с применением чрезвычайно объемного вопросника, с привлечением большого числа помощников-интервьюеров.

В итоге полевой работы мы убедились, далее, в пригодности примененного инструментария. «Вопросник», как выяснилось, нуждается лишь в небольших редакционных и технических поправках.

Наконец, в-третьих, предварительный анализ полученного материала позволяет считать его достаточным по количеству и хорошим по качеству. В результате обследования мы получили весьма обильную этнографическую информацию о целом народе.

MODERN ETHNOCULTURAL PROCESSES IN UDMURTIA

The article describes the programme, methods, organization and techniques of an ethnographic study carried out by the authors in 1968 in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic. Over 2000 Udmurts in rural and urban places of the Republic were studied by means of a special questionnaire. 58 questions were asked pertaining to socio-demographic characteristics, mother tongue, material culture, ritual, folklore, professional intellectual culture and ethnic psychology. The data is to be processed by electronic computer. The authors discuss the representativeness of the sampling, its specific features in rural and in urban districts. They come to the conclusion that the research tool implemented in the study satisfy the requirements posed by the problem. They are of the opinion that the assembled data are abundant and suitable for elucidating the process of ethnocultural evolution of the Udmurts.
